

Сергей Монастырский

Как не выйти замуж

18+

Сергей Семенович Монастырский

Как не выйти замуж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67273187

SelfPub; 2022

Аннотация

Три женские истории, три истории любви, одиночества и счастья. Таких считают неудачницами, потому что они – матери-одиночки, а как на самом деле сложилась их судьба, рассказывают эти три новеллы.

Сергей Монастырский

Как не выйти замуж

Вот есть какой-то подлый закон природы – если мать всю жизнь одиночка, то дочь ее тоже одиночка, и дочь дочери одиночка, и так до тех пор, пока эта цепочка случайно не прервется. Не всегда, конечно, так, но есть такая закономерность...

Сколько себя помню, мать постоянно в кого-то влюблялась, но так ни разу замуж и не вышла. Я, как бы, незаконно рожденная. Был такой термин «законно» – это когда в браке. А когда от заезжего молодца, то незаконно значит. Отец мой не был заезжим молодцом. Вполне себе местным и даже известным в городе. И один из первых горячих романов у мамы, только-только окончившей институт, случился с ним. Но, был он женат. И роман этот, как она мне потом рассказывала, был хотя и бурным, но тайным. И знали об этом только он и она, а потом ещё и его жена.

И что там эта жена его сделала, я не знаю, но отец от мамы ушёл. Не бросил её, как в этих случаях говорят, а именно ушёл, объяснившись, повинившись, но ушёл.

А мама так его любила, что думала, что уже никого и никогда полюбить не сможет. И придумала себе жизнь без него, но с его ребёнком. А ребёнка – то и не было, он был всего лишь любовник, и поэтому очень осторожный, всегда предо-

хранялся. А в тот прощальный вечер, когда они в последний раз, любя друг друга и обливаясь слезами, легли в постель, она остановила его руку, протянувшуюся за презервативом, и прошептала:

– Мне сегодня можно! – А было как раз нельзя. Так я и появилась.

Отца я так никогда и не увидела. Был он крупный, номенклатурный работник, и когда я была еще грудничком, его перевели в другой город. Далеко. Мама считает, что это его жена подстроила, что бы он не дергался и не вздумал ко мне вернуться. Ведь он уже узнал о моем существовании. И еще долгие годы присылал мне на Новый год и на день рождения подарки. Мама меня не обманывала, так и говорила:

– Это подарок от папы.

– А когда он придет?

– Никогда!

Это было, может, и жестоко, но сразу сняло для меня вопрос – где мой папа?

Потом все как-то затихло, и я перестала получать подарки. Лет в десять я уже начала понимать, когда у мамы появлялись любовники. Конечно, в детстве я об этом не могла знать, но потом, вспоминая, сколько раз, несмотря на мои скандалы, меня отправляли ночевать к бабушке, я понимаю, что любовники были и довольно часто. Нет, слово «любовник» сюда не подходит! Мама в каждого из них влюблялась страстно, каждый из них был ее новой, и конечно, последней

любовью! Любовь эта длилась дня два или недели две, редко – месяц, еще реже – год. Потом все обрывалось, и столько же времени она ходила с черными от горя мешками под глазами.

Когда я подросла и стала кое-что понимать, я всегда удивлялась, каких несоответствующих себе мужчин она выбирает для любви! А может, не выбирает, но именно такие и получались – несоответствующие. Мама к тому времени была уже заведующая кафедрой в институте. Много читала, постоянно ходила в театры, на музыкальные вечера вместе со мной, конечно. У нее был интересный круг приятелей, сплошные интеллигенты.

И вот вдруг такая любовь – дядя Боря. Дядей он был для меня, а для нее просто Борис. Надо сказать, что в этого Борю я сама влюбилась, хотя было мне только семнадцать лет. Высокий, красивый, всегда спортивно и стильно одетый. И бесконечно веселый и добрый. Когда он входил в квартиру, скидывал маму на одно плечо, меня на другое, и не снимая с плеч, шел мыть руки. Потом, так же, не снимая нас с плеч, усевшись за стол, грозно рычал:

– А есть в этом доме, кто-нибудь даст?!

Мы с мамой неслись наперегонки, подавая на стол тарелки. Потом он вез нас на своей машине в центр города гулять, и мы обе гордились, что едем с таким красивым сильным, мужчиной. И на нас часто оглядывались. На обратном пути он неизменно завозил меня к бабушке, и когда я отчаянно

брыкалась, не желая выходить, прямо объяснял:

– Крошечка, я люблю твою маму, нам надо побыть вдвоем.

Я, конечно, уже понимала, зачем надо побыть вдвоем, но все равно было обидно и завидно. Но, кроме как «побыть вдвоем», делать с ним маме было, по-моему, абсолютно нечего. Книг, наверное, он не читал никаких. И когда как-то мама обронила фразу из романа Булгакова: «Аннушка уже пролила масло», он весь встрепенулся:

– Это соседка что ли? А из какой квартиры?

Все попытки мамы сходить с ним в театр или на выставку, неизменно отклонялись:

Да ну, скукотища какая! Пойдем, лучше городки покидаем. Была у нас в спортивном комплексе такая площадка для игр в городки.

... Как-то, уже став взрослой, встретили мы с мамой, этого дядю Борю. На мои слова, что с ним кроме постели ничего и быть не могло, мама сказала:

– А ты знаешь, для женщины даже одна только любовь в постели, иной раз бывает счастьем!

– Так это же иной раз! – возразила я.

Мне, кажется, мама, отчаянно цеплялась за все, искала свое женское счастье везде. Уж, какое попадалось.

... Чаше бывало другое несоответствие: Любовник женат, а она женщина свободная. Такая любовь счастливой бывает редко. И главное, врвалась в ее жизнь, как вихрь! Прав-

да, также, как вихрь и исчезала. Позже, когда мы с мамой говорили о нем, я сказала:

– На что ты рассчитывала? Ведь он иностранец, через полгода его командировка закончится! Или ты думала, что он увезет тебя с собой?

– Ни на что не рассчитывала, – спокойно ответила мама, – ты, когда влюбляешься по уши, на что-то рассчитываешь? Если рассчитываешь, то это не любовь, а охота на мужа!

Да, влюблялась она всегда отчаянно! По уши! Не думая.

Игнесес был испанец. И послан на полгода в наш университет, даже не в аспирантуру, а для подготовки кандидатской диссертации. В их университете такой темы не было. А в нашем была.

Они в коридоре случайно встретились. Кудрявый красавец с огромными серыми глазами, и моя мама в строгом брючном костюме – все же завкафедрой- моя всегда красивая и всегда молодая мама! Хотя ей уже было слегка за сорок.

И все! И понеслось. Каждый день, по утрам у двери нашей квартиры стояли цветы. Не букеты, нет, именно просто цветы. Но какие! Где он их только брал. Когда он звонил маме, он сначала ей пел очередную серенаду. Когда мама открывала дверь квартиры, чтобы его встретить, он таким же вихрем бросался ей целовать руки, обцеловывая каждый палец, в порыве, казалось, безумства, переходил к плечам, шее ... Все! Сейчас полетит вверх платье и тут прямо в прихожей начнется неудержимый секс!

Но мама еле останавливала его, показывая за спину, где стояла я, чтобы поздороваться. Нет! Это был не порыв сумасшествия, это просто у него означало «Здравствуй! Я пришел! Потому что он без перерыва бросал мне: – Привет! – и спокойно проходил в комнату. По-русски он говорил очень плохо, понять невозможно. Поэтому разговаривали на английском.

Это была красивая любовь! Ничего просто так не проходило. Все было как-то романтично обставлено – прогулки, катания на лодке, где он у ног мамы опять же ставил купленные где-то корзинки цветов. Я не была у него на квартире, которую он арендовал на время своей командировки, и где у них проходили их вечера и ночи, но мама потом мне говорила, что без новых цветов в их постели не проходила ни одна ночь.

Кончилось все не так красиво. Но по-своему тоже элегантно. Раздался звонок телефона.

– Вы такая-то? – спросил женский голос на английском.

– Да, – ответила мама

– Я жена Иглесиса. Нам нужно встретиться.

Мама от ужаса о том, что сейчас будет, онемела. Встретились в кафе.

– Вы что, не знали, что он женат? – спросила молодая смуглая женщина.

– Сначала, нет. – честно ответила мама.

– А когда узнали?

– Когда узнала, уже любила. А остановиться не получилось.

– Но вы же понимали, что любите женатого мужчину, чужого мужа!

– Понимала. Но, знаете, любовь как-то правилам не подчиняется! Каждый день давала себе слово. – Что все!

– Да, вы красивая женщина, – и перешла к делу – Ну, и как его делить будем? Вам верхнюю часть, мне нижнюю? Да, у него еще и член есть, – тоже резать будем?

– Даю вам слово: больше, я его не увижу! – сказала мама.

– Это точно. Я ведь за этим сюда и прилетела. Его забрать. Друзья на ушко нашептали, чем он здесь занимается. Остатки кандидатской пусть пишет у себя дома.

... Да, на любовь маме везло. Даже в шестьдесят три года, когда мне с моих сорока казалось, что пора перестать думать о мужчинах, у нее случилась «лебединая песня». Впрочем, сколько я ее помню, каждая песня казалась ей лебединой. Ведь годы шли. Так вот, в шестьдесят три, появился капитан дальнего плавания, неизвестно откуда появившийся в нашем сухопутном городе. Брутальный такой красавец, лет на пятнадцать мамы моложе. Мама, надо сказать, и в свои шестьдесят с плюсом, была красивой, стройной и очень ухоженной. Все-таки вращалась в профессорских кругах. Их роман продолжался пять лет. Не знаю, что там было у него, но мама цвела, как восемнадцатилетняя девчонка. Правда! Она как бы сразу с десятков лет скинула. Он появлялся раза два, три

в год, в перерывах между плаваниями. То есть, в среднем, через четыре, пять месяцев. Но если иметь в виду, что первые месяца два до расставания, она безутешно страдала, а за месяц до его приезда все дни была занята покупками и примеркой новых нарядов, походами в солярий и прочими женскими заботами, так, можно сказать, что перерывов в их романе не было.

У меня, слава богу, к тому времени была уже своя квартира, так что свидетельницей их бурной страсти я не была. Мама во время приезда своего капитана, как бы выходила из нашего с ней общего существования. Редкие звонки – и все! Подозреваю, что не последнюю роль играло опасение – как бы молодой капитан не перекинулся на ее дочь!

Это, действительно, оказалась ее лебединая песня, потому что во время этого романа она и умерла. Ушла внезапно. В течение месяца. Капитан был в плавании. Рядом была я. Мы много разговаривали в этот месяц. По-моему, за всю жизнь столько не говорили. И она как-то сказала свою главную мысль:

– Ты не думай, я прожила счастливую жизнь. Столько любви, сколько было у меня, не у каждой женщины случается. Может потому, что я так и не вышла замуж!

А я росла дочкой матери – одиночки. Отца у меня не было, и я из-за этого очень страдала. У всех есть, а у меня нет! Неполноценность какая-то. Когда в детском саду кто-то на-

чинал говорить: – А вот мой папа Я убежала в угол, потому что мне казалось, что сейчас все будут смотреть на меня:

– А где твой папа?!

Я всегда мечтала, что когда вырасту, у меня будет семья, где я буду мама, мой муж – папа, а у детей оба родителя! Но не получилось.

Первым моим мужчиной был таксист. Не думайте, я не снобистка какая-то, – мол, ты таксист, а я дочка профессора. Правда, мама профессором еще не была. А мне было девятнадцать лет. Он был таксист, и ему тоже было девятнадцать. Но это я потом узнала. Уже когда в него влюбилась.

И вот у нас была красивая любовь. Первые пол дня он зарабатывал деньги. А я училась в институте. Во вторую половину дня, он заезжал за мной, снимая, естественно, свои таксистские шашечки, и мы ехали проматывать заработанные деньги.

Как мы гуляли! Все места, где можно было за деньги развлечься в городе, были наши. Стараясь быть приличной девушкой, я спрашивала:

– А на что ты жить будешь?

– А я сейчас, что делаю? Не живу? – удивлялся он.

О создании семьи он, видимо, не думал. Как и о другой работе. Мама расспрашивала меня о нем. И когда я рассказывала, она говорила:

Девочка, ты повторяешь мою судьбу. Помнишь дядю Бору? Тоже хороший, красивый, но это и все! Тебе нужно ду-

мать о мужчине на всю жизнь. Но разве об этом думают в девятнадцать лет?! Мы с ним, конечно, целовались, но и все. Я ведь еще девочкой была. А тут как-то устроили ночевку в лесу. Для романтики. Маме я, конечно, сказала, что ночевать буду у подруги. И вот лесная поляна, палатка, костер, по темному небу плывет луна, ночная птица кричит.... Мы с ним целуемся в палатке до изнеможения. Я себя не чувствую, только его губы, его слова, его руки и вдруг он отрывается от поцелуев и шепотом спрашивает:

– Тебе не было больно? -

– Я в ужасе поняла, что произошло.

– Ты, что, все сделала? – кричала я.

Какая там любовь! Я со всех ног выбежала из палатки, не зная куда бежать. Он меня догнал. Усадил в машину. Черт с ней с палаткой, с вещами.

– В город! – кричала я. – К маме!

Меня трясло от панического страха! Ведь это может быть ребенок?! И вся жизнь пойдет под откос, все планы! Слава богу, обошлось. Но, естественно, и вся любовь кончилась.

Потом из серьезных отношений был Артур. Мне был уже двадцать один год, училась на третьем курсе. А Артур два года как окончил институт. Конечно, это было совсем другое, чем таксист. С ним можно было говорить на любые темы. И всегда интересно. Он заразил меня Интернетом. Как-то я сказала ему:

– Пошли в кино. Говорят, очень интересная премьера. Он спросил, какое название и ответил:

Пошли в кино. Только в мой кинотеатр.

Привел в свою квартиру, нашел в компьютере этот фильм, перевел его на экран большого телевизора, принес на журнальный столик вино и фрукты и мы, в таком уюте обнявшись, смотрели фильм.

В его квартире я была не впервые. К тому времени мы уже занимались сексом, имели друг к другу какие-то чувства, но про любовь ничего не говорил. Любовь это когда страсть прет через край, когда ни о чем другом не думаешь. В том числе и о том, чем все это закончится! Нет, страсти здесь не было. Была как бы нежная дружба между мальчиком и девочкой, подкрашенная сексом. Ну и ладно. Я сильно развилась, благодаря нему. Стала смотреть только авторские фильмы, из раздела «кино не для всех! Только для умных.

Читала в Интернете последние нашумевшие книжные новинки – где бы еще я их взяла?! Много путешествовала, тоже через Интернет. Путешествовали мы вдвоем. Лежа в постели после секса. В общем, мне с ним было хорошо и интересно. Вот только он нигде не работал. Сначала на этот вопрос отвечал, как-то смутно. Потом, когда уже наша связь установилась надолго, признался:

– Я игрок! Это не профессия, но занятие. И это приносит столько денег, сколько я никогда ни на какой работе не зарабатываю. Играю в карты. Конечно, не на скамейке с пенсионе-

рами. Есть у нас свой круг. Это очень богатые и серьезные люди. И свой клуб, в котором все это происходит. Вообще это коттедж, который содержится на общаг. Там все – и ресторан и баня, обслуга, охрана.

– А если проиграешь? – слушая, спросила я.

– Если проиграю – отдаю или если нечем отдавать – дают время отыгаться. Только небольшое время. Но я, никогда не играю на ту сумму, которую не могу отдать. Потому что дальше – криминал! Но, я к счастью, не азартен.

И закончил так:

– Но об этой стороне моей жизни – ни слова больше. Тебя устраивает, как мы живем?

Меня устраивало. Правда теперь я понимала, что будущего у меня с ним нет. Не будешь же всю жизнь дрожать, что его убьют, а заодно и меня!

Но в общем-то это были два счастливых года. Потом он повез меня в Таиланд. Предупредив:

На пару месяцев

Я только что окончила институт и на работу еще не устроилась. Он меня убедил:

Поживи пока на свободе. Потом не сможешь. Что тебе от работы нужно? Деньги. Ну, есть они у нас. Сколько хочешь!

Не всегда же будут! – возразила я.

Тогда пойдешь работать.

... Редкое счастье для молодой женщины! Ничего не де-

лать, все иметь, и мужчина, который тебя обеспечивает, тебе симпатичен! Если не сказать больше. А больше уже можно было сказать. Наверное, я его уже любила. Ну нельзя такого парня не любить! Он был, что называется, орел! Рискованный, уверенный, бесстрашный!

Таиланд – это рай! Он снял там бунгало с лоджией, с бассейном, с обслугой, с водителем для меня. И пропал! Я его видела через два дня на третий. Приходил он с красными от бессонницы глазами, но не спал, куда-то звонил, откуда-то подгоняли арендованную яхту, и мы уплывали далеко – далеко на необитаемые острова! Вот там, на яхте, он сразу проваливался в сон, а на острове был свеж, как огурчик, бегал по джунглям, лазил на пальмы.

А потом снова пропадал. Играл с очень серьезными людьми, специально приезжающими сюда со всего мира. Он оформил на меня карточку, где лежало триста тысяч долларов, сказал:

– Это карточка твоя. Я к ней не имею никакого отношения, как и ты ко мне. Если со мной что случится – немедленно в аэропорт и улетай.

Я его спросила:

– Может тебе уже хватит?! – Давай уедем!

Он ответил:

– Не могу, это, как наркотик! Да и не выпустят меня, – и пропал.

На третий день позвонил человек и на ломанном англий-

ском сказал:

– На пятой стойке рейса, такого-то на Москву, вас ждут билеты. Улетайте немедленно!

Я улетела. Больше я его никогда не видела. Не знаю, жив ли он.

В Москве я поняла, что беременная. С ним много страсти было в этих знойных южных ночах..., чтобы мы от чего-то оберегались!

Два года прошли, как сон. Причем, сон в буквальном смысле. Дочка спать не давала. Нашла работу. Жизнь продолжалась. Конечно, были мужчины, всякие. Но замуж не вышла. Он меня отравил. Потому что, орлов я больше не встретила. А на ястребка и голубка, уже как-то глаз не останавливался. Оказалась я женщиной для одного единственного мужчины. Ну и ладно! После него я была женщиной для одной единственной дочери. Это и спасало.

Теперь моя девочка стала взрослой, ушла в свою жизнь, а для кого я живу – не знаю. Для себя неинтересно.

Вот так и живем с мечтой. Судьба сложилась в цепочку звеньев матерей -одиночек. И больше всего я боялась, что и моя дочка станет по традиции звеном этой несчастной цепи. А девочка была прекрасная – умная, развитая. Я злилась – трудно ей будет такого же парня найти! Потом стала настораживаться – уже восемнадцать лет, но ни разу ее с каким-нибудь парнем не видела. Заводила осторожно с ней об этом

разговор, а она отшучивалась:

– Я, мам, такого орла, как у тебя был, еще не нашла.

Рассказывала же я ей о своей главной любви. В общем, лет до двадцати никаких парней.

Потом как-то вечером, уже темнело, подхожу к дому, смотрю – в скверике около дома стоят двое и целуются так неистово, с такой сексуальной страстью, что у меня даже трусы стали мокрые! Просто безумство страсти! Как будто нет никого не только вокруг, но и на свете! Правда никого и не было.

Темнело, я видела только фигуры. И вдруг одна фигура оторвалась от другой, еще раз нежно поцеловала и помахала рукой:

– Пока!

Хорошо, что рядом была скамейка. Я на нее и упала. Та, что сказала, «пока», была моя дочь! Видимо, сознание ее было еще затуманено неостывшей страстью. Она прошла мимо меня, не заметив.

Я вошла в дом. Она ставила тарелки на стол, готовилась к моему приходу. Я не раздеваясь, села на стул. Не знала с чего начать.

– Я все видела! – наконец сказала я.

Дочка спокойно посмотрела на меня.

– Ну да! А что, целоваться запрещено?

Я замялась.

– Нет, я конечно, рада, что, наконец.... Но ты, хотя бы по-

знакомила.

– Хорошо, – сказала она, – но ты не одобришь. Это Марина.

– В третий раз за этот вечер, я чуть не свалилась. На этот раз под стол. Сознание смутно плыло! Когда оно вернулось, я еле выдавила:

– Ма-ри-на?

– Ну, да, – подтвердила дочь, – Марина. Мы любим друг друга!

В этом я не сомневалась. Если при взгляде на эту страсть, у сорокапятилетней женщины, чуть не наступил оргазм, то да, любят!

– И давно? – только и спросила я.

– Уже полгода.

Мне бы, о чем другом думать, а я, как дура, задала глупый вопрос:

– Значит, ты уже не девочка?....

– Ну, как тебе сказать? ... – засмеялась она.– Не беспокойся, детей от этого не бывает!

... Да, детей в нашем роду больше не будет. На этом наша женская цепочка матерей- одиночек заканчивается. Потому что наследников у нас просто не будет. Но женские судьбы у всех все-таки счастливые. Потому что у всех была огромная

ЛЮБОВЬ!